

От асмора

Эта история не о принцах и принцессах. Здесь нет героев, готовых пожертвовать собой ради благородства, и нет волшебных спасений в последний момент.

Мир моих героев пахнет порохом, солью моря и медленно застывающей кровью. Здесь любовь — не подарок, а приговор. Здесь каждое чувство приходится прятать, потому что оно может стать оружием в чужих руках.

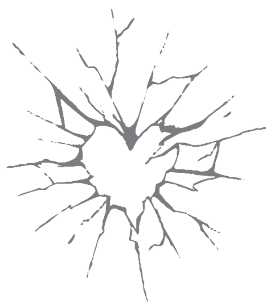
Я хочу, чтобы вы знали: месть — это не сладкое удовлетворение. Она не приносит покоя. Она гниет внутри, отравляя каждую мысль, каждое прикосновение. Она выжигает все, что когда-то было светлым. И все же мои герои продолжают идти к ней, даже если знают, что на этом пути они потеряют все. В том числе и себя.

В этой истории есть страсть, которая может спасти или уничтожить. Есть запретная любовь, за которую придется платить слишком высокую цену. Есть сделки, предательства и выбор, от которого ломаются судьбы.

Я не буду обещать вам счастливого конца.

Если вы готовы заглянуть туда, где нет границы между жертвой и палачом, добро пожаловать. Остальное вы узнаете сами.

Посвящается всем девушкам,
которые ждут своего книжного мафиози.
Пусть он будет красив, богат, опасен,
и существует только в романах.
Мои дорогие, жизнь слишком коротка
для плохих мужчин и дешевого кофе

Плейлист

Neoni — Darkside
Katy Perry — E.T
Bellie Eilish, Khalid — lovely
Austin Giorgio — You Put a Spell on Me
Two feet — I feel like I'm Drowning
Misa Amane — Desire
Kaleo — Way Down We Go
David Kushner — Daylight
Dove Cameron — Boyfriend
Adele — Set fire to the
Mona, Баста — Ты так мне необходим
Adele — love in the dark
Taylor Swift — Don't Blame me
Fallulah — Give us a little love
Lubel c5 ft. Güneş — NKBI \$ Yapamam
Nicholas Bonnin x Aggelicca — Shut up and listen
Do Ja Cat — Streets
The Weeknd — Call Out My Name.
Camila Cabello — Shameless
Ellie Goulding — Don't Need Nobody
КУКЛА (feat. VONAMOUR) [Remix 2026]

Главный символ этого цикла — Вороны.

Вороны — птицы тьмы и света, в чьих крыльях сплелись жизнь и смерть. Они парят над бездной, но не падают в нее, потому что знают цену каждому взмаху. Вороны символизируют не только смерть, но и жизнь, не только конец, но и начало.

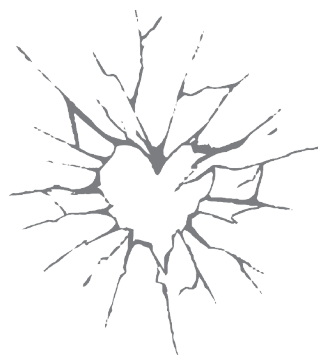
В этой истории они — не просто птицы, а отражение тех, кто летит, даже когда небо тонет во тьме, в которой они рождены.

Ворон вернется к своим, даже если мир сгорит дотла.

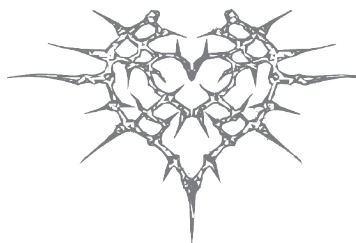

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

«Между клятвой и желанием»

Пролог

Впятнадцать девушка ни в коем случае не должна слишком громко разговаривать и смеяться. Глядеть на мужчину больше трех секунд тоже не подобает истинной дочери главы. Надевать короткое не положено. Пить алкоголь — тем более. А самое главное: ни на шаг не отходить от своего телохранителя.

Эти истины Роберта вдалбливала нам не меньше часа, с особой любовью повторяя их так, словно от этого зависела наша жизнь. Она работала на семью восемнадцать лет, с того дня, как родилась моя сестра. Я любила Роберту. *Иногда*. В остальное время с трудом терпела ее «не смотри так открыто» или «что за слова, неподобающие леди?!». И, конечно, ее неизменное: «Отец убьет вас за это».

Не убивал, но я могла знатно от него получить. С возрастом держать язык за зубами становилось тяжелее, а вот смелости прибавлялось. Хотя иногда и то и другое куда-то испарялось. *Когда меня одолевал страх*.

Я стояла у балкона добрых десять минут, разглядывая плывущую толпу бездушных кукол и марионеток. На женщинах вспыхивали в золотистом свете люстр бриллианты, за которые могли убить. Мужские часы с позолотой отмеряли секунды, как приглушенные удары сердца. Карнавальные маски — наша семейная традиция — не скрывали лицемерия, а лишь подчеркивали его.

Десять минут тянулись вечность.

И когда же мама скажет: «Идите в свои комнаты»? С удовольствием убежала бы, а пока Лоан — мой нынешний телохранитель — стоял за дверью комнаты, тихо вышла бы

через окно и укрылась среди любимых псов — Лии и Локи. Дворняги. Точнее такими их считал Марко. Но знал ли он, что питались собаки исключительно дорогим кормом? И я мыла их в своей ванной, когда он отсутствовал? Конечно нет. И слава богу!

— Он будет с минуты на минуту! — врезался в мысли голос сестры. Она подбежала, схватила меня за руки и встряхнула.

Молочная маска скрывала ее лицо, мое — нежно-голубая. Каштановые волосы Мартины были небрежно собраны в пучок, и воротник платья в тон маске делал ее похожей на фарфоровую куклу. Только взгляд выдавал: она ждала этого человека.

И я боялась. Боялась, что ее надежды разобьются, подобно волнам, бьющимся о скалы нашего побережья Портофино.*

Брови сошлись на переносице.

— Серьезно? — цокнула языком, кидая беглый взгляд в сторону телохранителя. Надеюсь, он меня не услышал. — Ты так замуж торопишься?

Сестра закатила глаза, резко отстранившись.

— Возможно, я найду свое счастье? — Бросая вызов, Мартина дернула подбородок вверх, словно хотела отгородиться от моих слов.

Она старше на целых три года. И мы совершенно разные. То, о чем мечтает сестра, а это выйти замуж и сбежать из этого ада, меня вовсе не привлекает. Нет, я тоже хочу сбежать. Любым способом, только не через кольцо на пальце и клятвы чужому человеку.

— Разве ты не понимаешь, что поменяешь одну клетку на другую? — тихо, но отчетливо произнесла я. — И не факт, что она будет золотая.

Мартина отвела взгляд, и я уже знала, что она готова расплакаться. Но не станет. *Никогда*. Слишком боится разозлить отца. А он ненавидит слезы почти так же сильно, как неповиновение.

— Возможно...

* Портофино — знаменитый, уважаемый курорт в Италии, Лигурия.

— Тина, — мягко перебила я, разворачиваясь к ней и накрывая ее руки, сжимавшие холодные перила балкона. — Не ищи оправданий, пожалуйста. «Возможно» никогда не поможет в борьбе за будущее. Если ты не уверена, зачем все это?

Сестра задумчиво покачала головой.

— Я рада, что ты это понимаешь. — Ее глаза заблестели даже сквозь маску. — И буду надеяться, что ты окажешься сильнее меня. — Тина улыбнулась сквозь слезы, не сдержавшись, развернулась и ушла.

— Я опять сказала лишнее? — спросила у телохранителя, подошедшего с неизменным, будто высеченным из камня, лицом.

— Ваша сестра переживает многое. Вы должны и ее понять, — его голос был спокоен, но я уловила едва заметное предупреждение.

Посмотрела на Лоана, обдумывая и понимая, что опять все испортила.

— Разве легко связать жизнь с незнакомым человеком? — закончил мужчина, разглядывая толпу, вычисляя потенциальную угрозу.

Если он и правда полагал, что все эти люди вокруг не представляют угрозы, я бы рассмеялась ему в лицо. Любой мог вытащить пистолет и пустить мне пулю в лоб. То, что оружие сдавали на входе, не мешало припрятать еще одно под одеждой. Здесь «безопасность» просто слово, а не реальность. Все было всего-навсего формальностью.

Лоан прав. Я могла наговорить лишнего. Никогда не умела держать язык за зубами.

Сегодня проходит помолвка Мартины со старшим сыном Дона Грека из Чикаго. Об этом отец объявил три месяца назад. Вероятно, мечтами сестра скрывала страх.

— Что ты снова наговорила? — Ко мне подошла мама, готовая пустить на растерзание. Ее васильковые глаза горели от ярости, и я невольно усмехнулась.

Вот бы также с вызовом и без страха она могла смотреть на своего мужа. Один раз дать отпор. Один раз показать, что она — человек. Не груша для битья и мусор для оскорблений. Но мама не могла.

Она любила его. Этого монстра. Человека, оставившего шрамы на моих теле, душе и сердце. И не только на моих. Он травил своим ядом всех, а мама продолжала пить этот яд из его рук. Добровольно.

— Правду, мама, — ответила твердо, не отводя взгляда.

Но несмотря на все это, я безгранично ее любила. Единственный человек, который понимал меня. Кто, несмотря на свою слабость, растил во мне воина.

«Ты — воин. Ты опора для себя. Ты будешь уметь говорить „нет“», — так она говорила мне в детстве перед сном. Сейчас эти слова ею забыты. Но они достаточно сильно засели в моей голове. Я — воин!

— Андреа, веточка моя, ты же делаешь только хуже, — с отчаянием выдала мама, и я услышала в ее голосе больше боли, чем упрека.

Я посмотрела на нее сверху вниз. Мама выглядела великолепно. Золотая тканевая маска, красное платье в пол, подчеркивающее формы, и черная шаль на плечах. Только я знала, что шаль она накинула, чтобы скрыть синяки.

Впрочем, и я выбрала платье не просто так. Французская длина, цвет синего моря, длинные рукава и закрытые плечи. Не для красоты. Они не должны увидеть отпечатки пальцев отца на моих руках и рубцы шрамов, что я оставляла сама. Никто не должен знать.

— Она плачет, — прошептала мама. Сердце невольно екнуло от боли. — Твой отец разозлится, если узнает. — Ее глаза умоляли, и я устало опустила плечи.

— Он мне не отец, мама.

— Андреа! — Мама нахмурилась, в голосе звучало предупреждение. — Сейчас не время.

— Я пойду к Тине. — Спорить не было желания, поэтому поспешила удалиться.

Следом зашагал Лоан. Я обернулась в его сторону и посмотрела на маму выразительным взглядом, который она тут же поняла.

— Оставь ее, Лоан.

— Но...

— Я сама с ним разберусь, — перебила мама, имея в виду отца.

Телохранитель замер на месте, а я направилась к выходу из летнего зала, мысленно проклиная неудобные туфли, беспощадно натиравшие ноги.

В коридоре стало тише. Двери за спиной с грохотом захлопнулись, отрезая меня от гомона гостей. Я выдохнула впервые за весь вечер. Ненавижу толпу.

Шаркая, шла вдоль стены мелкими шагами, вполголоса ругаясь на туфли. *Боже, как же я их ненавижу.*

Подходя к двери Тины, собиралась постучать, но меня окликнули:

— Извините.

Я обернулась на томный мужской голос и замерла.

В нескольких шагах от меня стоял молодой человек. Дорого сшитый на заказ костюм сидел так, будто был продолжением его тела. На запястьях поблескивали серебряные ролексы, а черная карнавальная маска закрывала верхнюю часть лица, оставляя видимыми лишь прямой нос, губы и гладко выбритый подбородок.

Он был старше. И в его движениях была какая-то опасная медлительность. Каждый шаг он делал обдуманно, словно уже знал, к чему приведет следующий.

Я невольно вцепилась пальцами в ткань рукавов, натянув их сильнее, будто она могла стать щитом. Нельзя, чтобы он видел. Никто не должен видеть.

— Эм...вы кого-то ищите? — поинтересовалась я.

На его лице появилась легкая, но странно выверенная улыбка, от которой внутри все сжалось. Его аромат — терпкий, с горьковатой пряной нотой — коснулся меня раньше, чем он успел приблизиться. Сердце забилось быстрее, и я невольно отвела взгляд, будто это могло разорвать его невидимую хватку.

Еще никогда чужой и такой обаятельный парень не стоял настолько близко. Может, поэтому так сильно бьется сердце? Черт, я становлюсь похожей на Тину.

— Я пришел на прием, — произнес незнакомец низким, глубоким голосом, в котором слышалась тень насмешки. — Только не могу найти зал торжества.

Я кивнула, но где-то в глубине сознания зажглась красная лампочка. Странно, что он не знает про вход с задней двери.

Хотя, в нашем особняке легко потеряться. И все же... в нем было что-то слишком неестественно-спокойное для человека, «заблудившегося» случайно.

— Поверните налево и идите до конца. Большая дверь по центру, — тараторила, желая скорее укрыться.

Если кто-нибудь увидит, мне не спастись. *Наедине с парнем. В тихом коридоре.* Не самый лучший расклад для новых сплетен среди женщин клана.

Молодой человек учтиво кивнул. Прошептав тихое «спасибо», направился по сказанному маршруту. Я повернулась в сторону комнаты Тины, но через секунду парень появился вновь:

— Один вопрос: как вас зовут? — голос был мягким, но в нем проскользнуло что-то, от чего кожа на руках покрылась мурашками.

Я резко обернулась. В этот раз возмутилась. Что вообще он пытался сделать?

— Сможете ответить на этот вопрос сами? — дернув бровью, колко бросила в ответ.

Незнакомец лениво усмехнулся. Как жаль, что я не видела его истинных эмоций. Эти маски все портили. Он чуть склонил голову, изучая меня как хищник добычу, прежде чем броситься.

— А если мое имя лучше скрывать?

Внутри меня все сжалось.

— А если мое тоже?

Мы стояли в двух концах одного коридора, но мое сердце билось, будто он ближе, чем можно представить. Глупая наивная дура. Вот что бывает, когда вовсе не разговариваешь с противоположным полом. Мгновенная реакция. Бабочки, фейерверки и ощущение непривычности. От него исходило странное притяжение и не менее странная угроза.

— *Ti troverò sicuramente,** — произнес он, и этот шелестящий шепот на итальянском проскользнул под кожу, будто клятва.

На прощание он чуть склонил голову, не сводя с меня взгляда. Движение, в котором было больше обещания, чем вежливости.

* Я обязательно найду тебя (итал.).

Затем развернулся и зашагал прочь, пока его силуэт не растворился в полумраке коридора, оставив лишь горьковатый след парфюма и гулкое эхо шагов, отдающиеся в моем учащенном сердцебиении.

— Кто там?

Я вздрогнула, услышав голос Мартины, и отвела взгляд от места, где прежде стоял незнакомец. Сестра смотрела на меня красными от слез глазами.

— Неважно. Ты в порядке? — Мне стало больно смотреть на ее грустное лицо.

Мартина — моя полная противоположность. Она могла улыбаться сквозь боль. Могла держать себя в руках, даже когда внутри все рушилось. Но порой так хотелось встряхнуть ее и крикнуть: «Почему ты соглашаешься? Почему не борешься?»

— Я...

— Прости, — перебила я, коснувшись ее руки и чуть приблизившись. — Не должна была все это говорить. — Опустила взгляд в пол. — Просто не хочу тебя потерять.

Не хочу, чтобы она уезжала. Не хочу, чтобы ее не было рядом. А если там ей будет плохо? А если он окажется таким же, как отец?

На секунду я усомнилась, что смогу удержать самообладание и не стукнуть кого-нибудь по голове прямо во время церемонии. Сдернуть пистолет у Лоана и пустить пулю в лоб ее жениха или в лоб моего любимого отца.

Но стоило ощутить объятия Мартины, как ее спокойствие медленно перетекло в меня. Я прикрыла глаза, выдохнула, утонув в сестринском тепле.

Мы с сестрой как огонь и вода. Она — бескрайнее море, а я — пылающий пожар. И сколько бы нас ни сталкивали, ее вода всегда гасила пламя внутри меня, дарила передышку.

— Я буду звонить каждый день. Буду держать тебя в курсе. Всегда, — тихо произнесла Тина.

— Обещай. — Я чуть отстранилась и посмотрела на нее пристально, требовательно.

— А ты пообещай, что будешь бороться за свое счастье, Андреа, — мягко коснулась сестра моей щеки, — И не станешь такой слабой, как я.

— Тина... — Я крепче сжала ее плечи, будто хотела встряхнуть, вернуть ей веру в себя. — Ты одна из самых сильных девушек, что я знаю, — сказала серьезно, но сестра лишь опустила глаза, не отвечая.

— Ладно, идем. Отец уже, наверное, ищет. — Мартина подтолкнула меня вперед.

При упоминании отца я закатила глаза, чувствуя, как внутри поднимается желание зарычать.

Мартина натянула на лицо маскарадную маску, я поправила свою, и мы двинулись в том же направлении, куда ушел незнакомец. Интересно, он нашел зал? Конечно нашел. Он ведь не идиот.

Толпа встретила нас гулом голосов и цепкими взглядами. Люди провожали нас глазами так, словно мы стояли перед ними обнаженные, а они изучали каждый изъяз.

— Вот вы где, — появилась мама, одарив нас одной из своих ослепительных улыбок.

Сколько боли могла она прятать за этой маской?

Мама подхватила Тину под локоть и повела к будущим так называемым «родственникам». За всей этой «свадебной идиалией» стояла банальная сделка.

Я попыталась тихо ускользнуть, но мама потянула и меня.

— Андреа! — ее голос был мягким, но хватка железной. — Некрасиво уходить. Нужно представиться.

— Мам, ну пожалуйста... — Я умоляюще выпятила губу.

Бесполезно. Мы шаг за шагом приближались к семье Романов. Глава — Грек Романов, рядом белокурая жена. Дяди, тети и дети.

Младшую, мою ровесницу, звали Амали. Вторым сыном, Рицци, стоял рядом со старшим братом Моро. Последний и был «женихом» моей сестры. Красив, статен и, возможно, такое же чудовище, как наш отец.

В нашем мире — мире мафии, перестрелок, сделок, мести, жестокости и крови — все это было обыденностью. Здесь никто не удивлялся запаху пороха или внезапным крикам в ночи. Мужчины не имели права на мягкость. Любая слабость как рана, в которую обязательно ударят. Здесь всегда бьют по больному. Всегда бьют по слабому.

— Это наши дочери, — представил нас Марко, когда мы подошли.

Я скрестила руки на груди, изо всех сил удерживаясь от того, чтобы не закатить глаза. В голове тут же родилось прозвище для клана Романо: «Стая блондинов».

— Старшая — Мартина, — продолжил Марко.

Тина улыбнулась. Грек ответил ей сдержанной доброжелательностью. Его жена довольно кидала взгляды в сторону сына. Моро, впрочем, даже не удостоил сестру взглядом.

А потом прозвучало:

— А это младшая дочь — Андреа.

Отец даже не пытался скрыть отвращение.

Если бы я была сыном, он бы обнял меня, гордо назвал наследником. А так... я была для него лишь чем-то ненужным, от чего он планировал избавиться, как он сделал это с Тиной. Теперь пришла моя очередь.

Вечером за нашим обычным семейным ужином, за которым чаще всего отец ведет бесконечный монолог, он как-то обмолвился, что подберет мне жениха, когда я немного подрасту. Тогда Тина крепко сжимала мою руку под столом, а я до боли в пальцах вцепилась в салфетку.

«Только через мой труп», — сказала я тогда. Думаю, не стоит говорить, чем все закончилось. После этого в школу я не ходила две недели.

— Какие красавицы, — пропел Грек Романо. — Нам с тобой повезло, Марко. У меня два сына, у тебя две дочери.

Отец бросил на меня прищуренный взгляд, будто в голове уже крутился новый план. Я поежилась, но сдержалась. А вот Рицци улыбнулся так, словно я уже его. Я могла терпеть многое. Но точно не это.

Подняла руку, почесала подбородок и демонстративно показала средний палец. Он заметил. Впрочем, как и его брат с сестрой. Благо родители были заняты разговорами. Улыбка Рицци не исчезла, но в глазах мелькнул огонек.

— Я отлучусь ненадолго, — сказала я маме.

Она кивнула, прекрасно понимая, что я не вернусь.

Я быстро прошла сквозь толпу, выскользнула наружу. Легкий морской ветер коснулся лица. Я глубоко вдохнула,

прислушалась к гулу волн. Обычно он успокаивал, но сегодня море останется без меня. Если пойду к берегу, исчезнув с праздника, отец разозлится и решит выместить гнев на маме.

Скинув туфли, босиком шагнула на прохладную траву. *Блаженство.*

Лоан стоял неподалеку, как всегда, не нарушая границ.

— Тоже удивляюсь, как женщины выдерживают на таких каблуках, — раздался за спиной знакомый голос.

Я обернулась. И встретила взглядом с серебряной маской.

Рицци стоял на бордюре, переминаясь с ноги на ногу. И улыбаясь, как Чеширский кот, поймавший улов. Я намеренно не смотрела на него, всем видом давая понять — исчезни. И Лоан, удивительно, стоял на месте, не делая ни шагу. Он молча наблюдал.

— Ты не пойдешь? — Рицци кивнул подбородком в сторону летнего зала.

Двери были распахнуты настежь, золотистый свет вытекал на улицу теплыми пятнами, смешиваясь с хрустальным звоном бокалов и смехом гостей.

Наверное, если бы там были мои друзья (которых у меня нет) или хотя бы капля желания (которого тоже нет), я бы вошла. Но там ведь только ложь, зависть и выхолащенная мишура. Бездушные оболочки. Без сердца и любви. Интересно, кто-нибудь там мог любить? Искренне, по-настоящему?

Я молчала, полностью игнорируя чикагского принца.

— Тебе язык отрезали? — раздраженно бросил Рицци.

Мысленно довольно потерла руки. Выводить людей из себя — мой талант. Лучшее доказательство тому — мой отец, которого я бесила одним своим существованием.

— А тебе мозги? — съязвила в ответ, оскалившись.

— Оу, — сложил он губы в трубочку, — а язычок-то горяченький.

Я скривилась и поняла, что спорить с ним нет смысла. Он провоцировал меня, и крайней в этой ситуации буду именно я, а не он.